

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор междисциплинарной дискуссии, состоявшейся в рамках Всероссийской научной конференции «II Дробижевские чтения: этническое и социальное измерение» на секции «Национально-государственная идентичность как объект политики: междисциплинарные подходы к исследованию» (июнь 2025 г.). На фоне информационных трансформаций и geopolитической поляризации национально-государственная идентичность рассматривается как стратегический объект политики, анализируемый через призму как западной, так и российской теоретических традиций. Обобщаются ключевые вызовы устойчивости национально-государственного самосознания – от информационно-психологического давления и ценностной фрагментации до кризиса доверия к институтам. Одновременно выявляются внутренние ресурсы консолидации, к которым можно отнести патриотический потенциал, феномен патриотизма без лояльности к власти («двойной код»), перспективы формирования «политической нации», а также сравнительный опыт построения гражданской идентичности в многонациональном обществе (на примере Казахстана). В дискуссии также затрагиваются процессы секьюритизации идентичности и её инструментализации в условиях миграционных кризисов и идеологической конкуренции. Особое внимание уделяется необходимости перехода от символического моноцентризма к политике признания множественности идентичностей, основанной на поиске общих ценностных пересечений и синтезе исторической памяти с проектированием будущего.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, патриотизм, консолидация, цивилизационный выбор, государственная политика идентичности, ценности, смыслы, цифровая трансформация, гражданское участие

Для цитирования: Сащенко Н. П., Гребняк О. В. Национально-государственная идентичность как объект политики: аналитический обзор // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 72–84. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.5). EDN QUPOIM.

Введение. В начале XXI века усилившиеся процессы глобализации, цифровой трансформации и geopolитической поляризации создали условия, при которых процессы конструирования идентичности становятся объектом целенаправленного воздействия как внешних, так и внутренних акторов. Это превратило национально-государственную идентичность из элемента общественного самосознания в стратегический ресурс и объект политики, напрямую связанный с национальной безопасностью, устойчивостью государства и способностью общества к внутренней консолидации.

Современная академическая литература демонстрирует всё более сложное и многоуровневое понимание идентичности. В западной научной традиции ключевыми являются исследования, различающие гражданскую и этническую модальности национальной идентичности (Р. Брубейкер [1], Э. Смит [2]). Позднее акцент смещается на анализ патриотизма и национализма как инклюзивной и эксклюзивной форм привязанности к нации [3]. Важным подходом с точки зрения политизации идентичности стала теория секьюритизации Копенгагенской школы (О. Вейвер, Б. Бузан и др.), согласно которой идентичность может рассма-

трявателься как объект экзистенциальной угрозы, оправдывающей легитимацию чрезвычайные меры её защиты [4].

Российская научная традиция анализа национально-государственной идентичности восходит к историософским концепциям XIX века и получает развитие в концепции Л. Н. Гумилёва, который выделил пассионарность как движущую силу этногенеза и становления новых этнических систем [5]. Хотя Гумилёв ориентирован прежде всего на исторический анализ формирования этносов, его идеи о динамике этнических процессов и внутренней энергии этнических общностей используются при анализе того, как происходит национально-государственная консолидация и разрыв в современных обществах. В современной российской социологии и политической науке в числе прочих выделяются несколько ключевых направлений анализа национально-государственной идентичности.

В российской политологии концепт идентичности укрепился в научном обороте во многом благодаря исследованиям учёных из ИМЭМО РАН и приобрёл новые контуры исследовательского поля. Мысль И. С. Семененко о том, что «идентичность формирует смысловую ось социальных взаимосвязей индивида» [6, с. 422], уточняет значение концепта «идентичности», включая и динамические (самоидентификацию как процесс) и устоявшиеся её характеристики (идентичность как состояние динамического равновесия) [7].

Одновременно формируются различные подходы к анализу идентичности. В. А. Тишков развивает концепцию гражданской, политической нации как средства консолидации мультиэтничного российского общества, подчёркивая, что гражданская идентичность должна строиться на политических и правовых критериях принадлежности, а не на этнокультурном исключении [8]. Анализ ценностных ориентаций как основы социальной идентификации, предложенный В. А. Ядовым [9], позволяет рассматривать национально-государственную идентичность как производную от глубинной системы ценностей, определяющей долгосрочные установки личности и её идентификацию с общностью. Активно используется российскими исследователями имеющая западное происхождение концепция «разорванных стран» С. Хантингтона [10], в первую очередь, для интерпретации внутренних напряжений в постсоветских обществах. Данная модель описывает государства, чьи правящие элиты стремятся перенести страну из одной цивилизационной зоны в другую (например, из православной или исламской в западную), что вызывает внутреннее напряжение, разрыв между цивилизационными ориентирами элиты и цивилизационной идентичностью нации.

Особенно значимой в этом контексте является позиция Л. М. Дробижевой, подчёркивающей необходимость изучения реальных смыслов [11], которые граждане вкладывают в понятие «Россия», «народ», «гражданин», а не формальные декларации. Согласно исследованиям Дробижевой, общероссийская идентичность не может быть механически навязана сверху, она должна строиться как полифоническая конструкция, допускающая сосуществование гражданской, этнической, региональной и профессиональной идентичностей [12].

Вместе с тем существует заметный дефицит исследований, интегрирующих различные измерения национально-государственной идентичности в единую аналитическую рамку. Целью настоящей статьи является обобщение ключевых тезисов междисциплинарной научной дискуссии, состоявшейся в рамках секции «Национально-государственная идентичность как объект политики», проведённой в рамках Всероссийской научной конференции «II Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения».

Об участниках дискуссии. Секция прошла 6 июня 2025 года в Институте социально-политических исследований ФНИСЦ РАН и объединила ведущих исследователей из России и Казахстана, представляющих широкий спектр дисциплин от политической социологии и философии до этнополитики и международных исследований. В числе участников секции выступили: директор ИСПИ ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук В. К. Левашов; профессор кафедры государственной политики Факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор, Президент Академии политической науки РФ О. Ф. Шабров; зам. директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД РФ, доктор социологических наук, профессор В. В. Комлева; зам. завкафедрой политологии и социологии МПГУ, доктор политических наук, профессор Н. В. Асонов; главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения, доктор политических наук Ю. О. Булуктаев (Казахстан); профессор Государственного университета управления, ведущий научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ, доктор политических наук В. В. Титов; руководитель Отдела социологического анализа социально-политических процессов, кандидат социологических наук, доцент И. А. Селезнев; научный сотрудник О. В. Гребняк; младший научный сотрудник Т. Ю. Лиханова. Модератором секции выступила руководитель Центра исследований социально-политических процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, кандидат психологических наук, доцент Н. П. Сащенко.

Методологические сложности исследования национально-государственной идентичности. И западные, и российские исследования сталкиваются с внутренней сложностью и многоаспектностью анализа национально-государственной идентичности, особенно в её социально-психологическом измерении. Несмотря на обилие и постоянное обновление социологических и психологических референтов, само измерение идентичности остаётся методологически неоднозначным. Обозначенные далее методологические сложности были отмечены в выступлении **Н. П. Сащенко** и подтверждены выступлениями других участников дискуссии.

Исследование национально-государственной идентичности осложняется наличием пересекающихся концепций и относительной неопределённостью ключевых понятий. Отсутствие единого концептуального языка нередко приводит к неоднозначным операционализациям и неполному или неточному объяснению теоретических механизмов. Появился ряд новых, довольно дифференцированных взглядов на то, как установки национальной идентичности на индивидуальном уровне (от патриотизма и чувства национальной гордости до веры в превосходство собственной нации) связаны с коллективными процессами, такими как миграционные потоки, экономическая конкуренция и трансформация социальной структуры под влиянием глобализации. На макроуровне типологизация идентичности требует учёта функциональных, символических, а также морфологических аспектов социальных явлений, что осложняет создание единой рамки анализа.

Стоящие в актуальной повестке вооружённые конфликты и масштабные геополитические кризисы выступают в европейских обществах мощным стресс-фактором, провоцируя рост популистских настроений, усиление анти-

иммигрантских установок, переоценку социального статуса и рост эlectorальной поддержки правых партий. При этом конфликты, даже если не затрагивают страну напрямую, являются мощными стимуляторами национального самосознания как для непосредственных участников, так и для более широких обществ, косвенно включённых в дискурс безопасности и коллективной идентичности [13].

Европейские эмпирические исследования последнее время всё чаще фокусируются на механизмах, связывающих идентификационные установки и антииммиграционное отношение, часто включая микро- и макросвязи через контекстуальный уровень [14; 15]. Вместе с тем устоявшиеся модели измерения таких понятий, как патриотизм и национализм, гражданское и этническое понимание нации или национальная гордость, подвергаются всё более серьёзной критике из-за терминологической расплывчатости и несогласованности методик [16]. Типичным примером служит дилемма «патриотизм – национализм» [3]. В большинстве работ патриотизм определяется как лояльность к своей нации, часто основанная на гордости за социальные или общественные достижения, и не сопровождающаяся отрицанием других наций. Национализм же ассоциируется с убеждением в исключительности и превосходстве собственной нации, которое, предположительно, мотивировано стремлением укрепить коллективную самооценку [17]. Несмотря на широкое использование этого противопоставления как нормативной рамки, оно остаётся спорным. Эмпирически эти конструкты измеряются разными наборами индикаторов, а их связь с политическим поведением и ценностными ориентациями варьируется в зависимости от национального контекста. Это подтверждает, что модели осмыслиения национальной идентичности глубоко укоренены в историко-культурной специфике обществ [18; 19], и интерпретация сходных установок в разных странах требует осторожности.

Таким образом, несмотря на разнообразие исследований, согласование определений и измерительных процедур для феноменов патриотизма, национализма и родственных установок всё ещё остаётся нерешённой задачей как для «умеренных» переменных (политический и культурный патриотизм, национальная привязанность), так и для крайних полюсов (отчуждение, дефицит солидарности). Это указывает на важность дальнейших сравнительных и междисциплинарных разработок в данной области.

Идентичность как объект политики: вызовы и угрозы. Обсуждение проблемы устойчивости и уязвимости идентификационной матрицы российского общества в сложных для России геополитических и социально-экономических условиях сразу началось с масштабного взгляда на планетарные изменения. В новом тысячелетии национальные государства испытывают острые проблемы, связанные с множеством социальных и культурных изменений, и в первую очередь это защита национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз, сохранение государственного суверенитета. Против России развернута целенаправленная работа по ослаблению базисной основы российской культуры – морали и нравственности, духовных ценностей, исторической памяти, снижению её воздействия на российскую и международную аудиторию. На этом основании базировалось выступление **В. К. Левашова**, который задал тон всему обсуждению, отметив, что для понимания национально-государственной идентичности как объекта политики требуется комплексное видение доминиру-

ющих социальных и социально-политических тенденций развития нашей страны, анализ актуальных угроз и вызовов, помогающих выработать рекомендации по их нейтрализации и противодействию.

Не секрет, что национальная идентичность всегда была объектом политики, как внешней, так и внутренней. Исторически внешнее воздействие имело успех в тех странах или цивилизациях, в которых институциональные механизмы государства давали сбой, а идентификационные механизмы со своей страной, родиной, государством и гражданами работали не в полной мере (цивилизация Майя, Римская империя, Османская империя, некоторые современные государства Ближнего Востока, Югославия). Есть и другие исторические примеры, когда при внешнем мощном воздействии иные государства сохраняли свою устойчивость и государственный суверенитет (СССР в период ВОВ, Китай, Куба, Республика Беларусь). Возникает вопрос, а что может противостоять внешнему технологически выверенному, военно-политическому, информационно-психологическому воздействию?

Наш современник, рано ушедший от нас российский философ А. А. Пелипенко точно заметил, что «причины кризисов и упадков... цивилизаций, первым делом, ищут в области экономики, производства и технологий. И немало удивляются, обнаруживая, что кризисы, упадок и разрушение нередко настигают общества в эпохи их экономико-технологического и военного расцвета» [20, с. 37]. По его мнению, в объяснении кризисных и переходных процессов часто наблюдается органическая ущербность тех подходов, которые связаны с панэкономическим взглядом на бытие, когда экономические показатели оцениваются вне общего культурно-исторического, а главное, вне ценностных установок соответствующего человеческого типа [20]. В ходе обсуждений на секции Дробижевских Чтений мы постарались не попадаться в ловушку политico-экономического любования, а внимательно посмотреть на проблемы и ресурсы ценностно-культурного, политico-символического, цивилизационно-исторического и социально-психологического измерений национально-государственной идентичности российского общества.

Философско-политический аспект устойчивости национально-государственной идентичности российского общества отметил **О. Ф. Шабров**. Теоретические проблемы национально-государственной идентичности им были высвечены сквозь призму системного подхода к устойчивости общественных систем. Особое внимание Олег Фёдорович уделил необходимости чёткого разведения таких понятий, как этнос, нация и государство, а также соответствующих им типов идентичности, поскольку у одного и того же человека они могут не совпадать. При рассмотрении проблемы идентичности тождественность «Я=Мы» по отношению к своей стране, её народу отнюдь не всегда распространяется на государство, понимаемое не как страна, а как институт принуждения¹. Подобное несовпадение идентичностей исторически неоднократно становилось источником глубоких социальных конфликтов, проявляясь в массовых бунтах, революциях, гражданских войнах [21].

---

¹ Примечание авторов: Феномен устойчивого расхождения между привязанностью к стране и критикой государственных институтов находит отражение не только в социально-политических исследованиях, но и в массовой культуре. Например, в стихотворении народного артиста РФ Александра Розенбаума «Я Родину свою люблю» (1998) встречается рефрен «Я Родину люблю свою, Но государство – ненавижу!». URL: <https://rozenbaum.ru/poems/ya-rodinu-svoyu-lyublyu.html> (дата обращения: 12.08.2025). Аналогично у рок-группы Lumen в песне «Государство» (2005) звучит: «Я так люблю свою страну... И ненавижу государство!». URL: https://www.100bestsongs.ru/item_info.php?id=10910 (дата обращения: 12.08.2025).

Дополнительную грань рассогласованности в системе идентичности, по Шаброву, отражает различие между духовными ценностями культуры и идеологии: они принадлежат разным подсистемам общества, различаются как по содержанию и функциям, так и по способам формирования. Идеология выступает как продукт интеллектуальной деятельности наиболее образованной части общества, тогда как культура формируется в результате многовекового опыта предков, позволившего выжить и утвердиться в сложных природных и социальных условиях [21]. Отличаются они и способом хранения. Культура в основном хранится в неосознаваемой части индивидуального и коллективного сознания, что отличает её от более осознанной идеологии.

Ещё одну грань рассогласованности системы показал **В. В. Титов**, апеллируя к феномену «разорванной страны» С. Хантингтона [10]. Он акцентировал внимание на существовании особого типа государственных образований, которые характеризуются отсутствием ярко выраженного культурно-конфессионального разделения, но при этом демонстрируют явные линии раскола между политической элитой и обществом. Граждане таких стран, как правило, принимают свою этническую или национальную принадлежность, однако не разделяют цивилизационные ориентации, принятые элитой [10, с. 209]. К числу «разорванных стран» Хантингтон относит, в частности, Турцию, Мексику и Россию. Этот феномен имеет глубокие исторические корни, но в наше время усиливается вследствие глобального кризиса идентичности, который обострился после окончания холодной войны [10, с. 204–207]. В. В. Титов подчёркивает, что ценностно-политические основы подобного отчуждения часто связаны с западноцентричными стремлениями правящего класса, который стремится интегрировать страну в рамки «глобального мира». При этом его инициативы натыкаются, как минимум, на психологический и зачастую политический отпор со стороны большинства населения [10; 22].

В выявлении цивилизационно-исторического лица современной России с помощью анализа её государственности как обязательного атрибута культурно-идеологической сферы, находящейся во взаимодействии с институциональной и нормативно-регулятивной подсистемами общества, проводит свои исторические исследования **Н. В. Асонов**. Он убеждён, что «сложность изучения современной российской идентичности в значительной степени связана с доминированием идеологических установок правящего класса, стремящегося представить положение дел так, словно Россия в XXI в. снова обрела политическую независимость от стран НАТО и даже вышла на путь самостоятельного цивилизационного развития» [23, с. 24]. С помощью механизмов так называемой «культуры отмены», которая в данном контексте выступает инструментом политического остракизма, государственные структуры способствуют вытеснению из публичного пространства тех символов и смыслов, которые могут подрывать легитимность и авторитет действующей власти. В целях максимальной дискредитации главного внутреннего противника используются символы и атрибуты менее значимых конкурентов, а ещё лучше тех, кто сошёл с исторической сцены и уже не может публично предъявить свои права на свои отличительные знаки. Этот приём создаёт в народе иллюзию возврата государства к лучшим традиционным устоям, попранным, скажем, в ходе третьей русской революции. В итоге правящий класс, не добившись массовой поддержки либеральной повестки, получает возможность скрыть свои истинные цели, продвигая образ консервативной силы, призванной возродить страну как особую уникальную цивилизацию.

Опираясь на эмпирическую базу социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН (этапы 2024–2025 годов) [24; 25], участники дискуссии отметили не только проблемные зоны, но и резервы в социально-культурной сфере для сохранения национально-государственной идентичности российского общества. Так, по мнению **Т. Ю. Лихановой**, результаты мониторинга состояния российской национальной безопасности в сфере культуры, традиционных ценностей и исторической памяти свидетельствуют об упрочении в обществе духовного и эмоционально-патриотического потенциала, надёжность которого обеспечивается устойчивостью базового ценностного ядра.

Вместе с тем, с 2024 года отмечается усиление процессов кристаллизации и поляризации идеологических воззрений, вплоть до прослеживания идеологической сегментации массовых слоёв. В культурной среде идёт поляризация позиций в отношении СВО, целостности мирового культурного пространства. Угрозой национальной безопасности в сфере культуры и исторической памяти, кроме ценностной фрагментации российского общества, является и дефицит процедурной справедливости, образно говоря, дефицит обычного права – устоявшегося элемента в российской культуре. Угрозы национальной безопасности работают на поле долгосрочных отложенных рисков в сфере культуры и исторической памяти, но они проявляются и в краткосрочном периоде. Обозначилась проблема определения и сохранения идентификационной основы духовно-нравственного потенциала России как государства-цивилизации, продвижения его в сферу международного общения.

Идентичность как ресурс: поляризация и пути консолидации. Несмотря на наличие многочисленных угроз и вызовов, участники дискуссии подчеркнули наличие значимых внутренних ресурсов устойчивости идентичности. В условиях цифровой трансформации и политической поляризации эти ресурсы приобретают новую форму, не административно навязанную, монолитную, а основанную на сосуществовании различных уровней идентификации и признании их легитимности.

В этом контексте особое значение приобретает разработка целенаправленной государственной политики идентичности. **В. В. Титов** в своих рассуждениях обозначил также важность проведения государственной политики идентичности – целенаправленной, долгосрочной, алгоритмизированной деятельности институтов государственного управления и связанных с ними структур по формированию устойчивой модели национально-государственной идентичности. Только модель, отвечающая базовым основам национальной политической культуры, существующим запросам общества и перспективным задачам государственного развития, может быть интериоризована в массовое сознание. Пока что в государственной политике идентичности современной России отмечены в основном проблемы: слабость институциональных и стратегических оснований, ретроспективные акценты и символический моноцентризм, аморфность образа будущего [26]. Без реализации важных направлений модернизации государственной политики идентичности, таких как выработка стратегических приоритетов; поиск приемлемого языка; компенсация смыслового и символического вакуума; «интеграция прошлого», у России, по мнению автора, есть три неблагоприятных сценария трансформации национальной идентичности: конфликтно-мобилизационная идентичность («образ врага»); конфликтно-фраг-

ментарная идентичность («неуправляемый хаос»); конвенционально-стагнирующая идентичность («период полураспада»). Есть у России шанс пойти по четвёртому сценарию – образование конвенционально-консолидационной идентичности («политической нации»), для реализации которого необходимо учесть те проблемы, запросы общества, возможности и ресурсы, которые хранятся в коллективной памяти.

Дополняя российский анализ, участники дискуссии обратились к сравнительному опыту соседних государств. Обращаясь к проблемам трансформации национальной идентичности в Республике Казахстан под влиянием как внешних, так и внутренних факторов развития государства, **Ю. О. Булуктаев** отдаёт приоритет общенациональной идентичности. При этом ключевым напряжением в формировании общенациональной идентичности выступает противоречие между этнокультурной и гражданской модальностями идентификации. С одной стороны, основой казахстанской национальной идентичности служат общенациональные ценности, построенные на признании этнического, культурного, языкового и религиозного разнообразия. С другой стороны, для большинства казахстанцев этническая и религиозная идентичность остаются приоритетными формами самовосприятия, тогда как гражданская идентичность зачастую носит декларативный, поверхностный характер.

Осознавая этот нюанс, государственные структуры Республики Казахстан берут на себя активную роль в развитии этнической и гражданской идентичности. Решая эту задачу, государство, с одной стороны, пытается сделать привлекательными для других этнических групп символы казахской культуры и в первую очередь язык, являющийся государственным пока во многом номинально, а с другой стороны, формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью общенациональной консолидации [27]. В условиях выраженной политичности казахстанское общество неизбежно характеризуется множественностью идентификационных векторов. Это делает задачу гражданской интеграции одной из приоритетных: только она может обеспечить устойчивую политическую, этническую и религиозную солидарность внутри общества и сформировать у граждан чувство взаимной лояльности как по отношению друг к другу, так и к государственной системе в целом.

Расширяя аналитический фокус, затронута в ходе обсуждений оказалась и тема секьюритизации идентичности в контексте внутренней и внешней политики, конструирования на постсоветском пространстве. **В. В. Комлева**, опираясь на идеи Копенгагенской школы секьюритизации, конструктивизма и концепт онтологической безопасности (Д. Лэйнг, Э. Гидденс), подчёркивала, что идентичность в условиях глобализации, идеологической конкуренции и внутренних конфликтов становится объектом защиты, политической мобилизации и институционализации. На материале исследований российско-таджикских отношений и миграционных процессов было отмечено стратегическое значение политики идентичности для внутренней консолидации и внешнеполитического позиционирования Таджикистана. Опираясь на политическую и социальную теории примерно с конца XX века, когда идентичность стала осмысливаться как ресурс политической мобилизации, консолидации и национальной безопасности постсоветских государств, в том числе и постсоветской России, В. В. Комлева показала, как идентичность становится объектом защиты, политического вмешательства и исключения, то есть подвергается секьюритизации. Усиление секьюритизации национальной идентичности связывается с политической по-

ляризацией, ростом национализма, миграционными кризисами, конфликтами на почве этничности и религии, а также активизацией дискурса безопасности в политике. В условиях усиления конкуренции между государствами и между идеологиями национальная идентичность всё чаще представляется как уязвимая ценность, требующая безотлагательной защиты, в том числе с применением исключительных политических и силовых мер.

Особую эмпирическую значимость в этом контексте приобретает анализ массового сознания. В условиях цифровой среды, по мнению **О. В. Гребняк**, обостряется такая характерная черта национальной идентичности как совмещение высокого уровня патриотических устремлений с критическим отношением к государственным институтам, – то самое несовпадение разных типов идентичности, отмеченное выше в рассуждениях О. Ф. Шаброва. Этот феномен, обозначенный в ходе выступления как «двойной код» российского общественного сознания, проявляется в том, что патриотизм в массовом восприятии неравнозначен лояльности власти и это прямо подтверждается эмпирическими исследованиями [25]. В общественном сознании одновременно существуют два измерения: с одной стороны критическое восприятие государственных структур, проявляющееся в оценках их коррумпированности, неэффективности и отрыва от общества; с другой – глубокая эмоциональная привязанность к Родине как символическому образу, воплощающему историческую память и культурное наследие. Этот феномен подводит к необходимости выработки новых подходов в теории идентичности, поскольку политическое недовольство не всегда свидетельствует об ослаблении национальной лояльности, как зачастую считалось ранее. Напротив, в условиях цифровой медиасреды наблюдается декомпозиция гражданской позиции, когда критика власти не означает отрицание нации, она вполне существует с эмоциональной привязанностью к стране [28, с. 34–45].

Заключение. Популярность в российской науке концепции национально-государственной идентичности объясняется, с одной стороны, возрастающим количеством нерешённых проблем: с ускорением темпов социальных и политических изменений в мире и в стране политические решения не всегда поспеваю за меняющимися ожиданиями граждан и не учитывают сложности восприятия мира и множественную детерминацию национально-государственной идентификации. А с другой – результаты научных исследований не в полной мере объясняют новые смыслы и динамику сетей смыслов в идентификационных процессах.

По мнению Л. М. Дробижевой, «необходимо изучать смыслы, которые вкладывают россияне в понимание своей идентичности» [11, с. 482], «...надо искать новые явления и события, способные выполнять интегрирующую функцию, чаще показывать возможность совмещения общероссийской идентичности с другими идентичностями, в том числе с позитивной этнической, региональной идентичностью» [11, с. 495].

Подводя итог дискуссии, можно констатировать, что национально-государственная идентичность сегодня представляет собой поле борьбы. Участники секции единодушно отметили её уязвимость перед лицом внешнего информационно-психологического давления, внутренней ценностной фрагментации и дефицита процедурной справедливости. В то же время в обществе сохраняются значимые ресурсы устойчивости, такие как историческая память, духовно-нравственное ядро, патриотический потенциал.

Научная дискуссия позволила обсудить и аprobировать оптимальные социальные и политические траектории исследований национально-государственной идентичности с учётом проявившихся факторов социальных изменений. Перспективы дальнейших исследований лежат в русле междисциплинарной интеграции, сочетания социологических измерений идентичности с анализом цифровых медиа, историко-культурными реконструкциями и сравнительными кейсами.

Библиографический список

1. *Brubaker R.* Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge University Press, 1996. 216 p. ISBN 978-0521576499.
2. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 464 с. ISBN 5-901574-39-7.
3. *Blank T., Schmidt P.* National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data // Political Psychology. 2003. Vol. 24, No. 2. P. 289–312. DOI [10.1111/0162-895X.00329](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00329). EDN [ETKNPV](#).
4. *Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A new framework for analysis. London : Lynne Rienner Publ., 1998. 239 p. ISBN 978-1555877842.
5. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб : Кристалл, 2001. 638 с. ISBN 5-306-00157-2.
6. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, Е. В. Морозова [и др.]. М. : Весь Мир, 2023. 512 с. EDN [AGNIZL](#).
7. Семененко И. С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа : Сб. ст. по итогам Всероссийской науч.-теор. конф. (Москва, 21-22 октября 2010). М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–13. EDN [SWQRZB](#).
8. Тищков В. А. Нация наций : О подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН, 2023. 69 с. DOI [10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69). EDN [EHVYVA](#).
9. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52. EDN [TYSQON](#).
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 608 с. EDN [TUPBEP](#).
11. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261). EDN [HAANUW](#).
12. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9). EDN [IZTYSH](#).
13. Сащенко Н. П. Современные исследования национально-государственной идентичности: междисциплинарные подходы // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 46–57. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57). EDN [WDNDDK](#).
14. *Bartasevičius V.* Outsiders not worth trusting? Accounting for concerns over immigration in Central and Eastern Europe // Central and Eastern European Migration Review. 2024. Vol. 13, No. 2. P. 27–54. DOI [10.54667/ceemr.2024.19](https://doi.org/10.54667/ceemr.2024.19). EDN [APELGV](#).
15. *Häkkilä L., Kouvo A.-J., Oinas T. [et al.]* The role of political orientation in shaping deservingness perceptions and immigration attitudes in Europe: A multilevel analysis // Journal of International and Comparative Social Policy. 2024. Vol. 40, Issue 2. P. 111–130. DOI [10.1017/ics.2025.4](https://doi.org/10.1017/ics.2025.4).
16. *Schmidt P., Quandt M.* National identity, nationalism, and attitudes toward migrants in comparative perspective // International Journal of Comparative Sociology. 2018. Vol. 59, No. 5-6. P. 355–361. DOI [10.1177/0020715218816242](https://doi.org/10.1177/0020715218816242). EDN [LAJJQB](#).
17. *Cichocka A., Cislak A.* Nationalism as collective narcissism // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. Vol. 34. P. 69–74. DOI [10.1016/j.cobeha.2019.12.013](https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.12.013). EDN [MQZWRW](#).
18. Рой О. М. Национальная идентичность в России: между глобализацией и глокализацией // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. Т. 18, № 3. С. 78–91. DOI [10.31660/1993-1824-2025-3-78-91](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-3-78-91). EDN [ASVYOC](#).

19. König P. Forms of national and European identity: A research note reviewing literature of cross-national studies // Nationalities Papers. 2024. Vol. 52, No. 4. P. 707–734. DOI [10.1017/nps.2023.66](https://doi.org/10.1017/nps.2023.66).
20. Пелипенко А. А. Глобальный кризис и судьбы Запада. М. : Знание, 2014. 224 с. ISBN 978-5-7646-0118-2.
21. Шабров О. Ф. Духовные ценности как основа национально-государственной идентичности // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 16–22. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22). EDN [VQULYB](#).
22. Аттала Ж. Краткая история будущего. СПб : Питер, 2014. 288 с. ISBN 978-5-496-00750-4.
23. Аснов Н. В. Современная российская идентичность с позиций анализа ее государственности // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 23–33. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33). EDN [VTXWTL](#).
24. Как живешь, Россия?: Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](#).
25. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025). EDN [ERLAQU](#).
26. Титов В. В. Трансформация национально-государственной идентичности в современной России: дис... д-ра полит. наук : 5.5.2 / Титов Виктор Валерьевич. 2023. 468 с. EDN [WRGURE](#).
27. Шайкемелев М. С. Критерии оценки гражданской интеграции казахстанских этнических групп как основного целевого ориентира формирования национальной идентичности // Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания. Книга 2. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. С. 243–256.
28. Гребняк О. В. Национально-государственная идентичность в цифровую эпоху: между патриотическим консенсусом и информационной тревогой // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 4. С. 34–45. DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45). EDN [VWUAXC](#).

Поступила: 14.10.2025. Принята: 21.11.2025.

Сведения об авторах:

Сащенко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

nsaschenko@mail.ru

Author ID РИНЦ: [168978](#); ORCID: [0000-0002-0632-9937](#)

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник,

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

oksananov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [183639](#); ORCID: [0000-0002-4565-7095](#)

N. P. Sashchenko¹, O. V. Grebnyak¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

NATIONAL-STATE IDENTITY AS AN OBJECT OF POLITICS: AN ANALYTICAL REVIEW

Abstract. The article presents an analytical review of an interdisciplinary discussion held within the framework of the All-Russian Academic Conference “2nd Drobizheva Readings: Ethnic and Social Dimensions”, at the session “National–State Identity as an Object of Politics: Interdisciplinary Approaches to Research” (June 2025). Against the backdrop of informational transformations and geopolitical polarization, national-state identity is examined as a strategic object of politics, analyzed through the lenses of both Western and Russian theoretical traditions. The paper synthesizes key challenges to the resilience of national-state self-awareness – ranging from informational-psychological pressure and value fragmentation to the crisis of trust in institutions. At the same time, internal resources for societal consolidation are identified, including the patriotic potential, the phenomenon of patriotism without loyalty to the authorities (the “double code”), prospects for constructing a “political nation,” as well as the comparative experience of building civic identity in a multinational society (illustrated by the case of Kazakhstan). The discussion also addresses the processes of identity securitization and its instrumentalization amid migration crises and ideological competition. Particular emphasis is placed on the necessity of moving away from symbolic monocentrism toward a policy of recognizing the plurality of identities, grounded in the search for shared value intersections and the synthesis of historical memory with future-oriented visioning.

Keywords: national-state identity, patriotism, consolidation, civilizational choice, state identity policy, values, meanings, digital transformation, civic participation

For citation: Sashchenko N. P., Grebnyak O. V. National-state identity as an object of politics: an analytical review. *Science. Culture. Society.* 2025;31(4):72–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.5>

References

1. Brubaker R. Nationalism reframed: nationhood and the national question in the New Europe. Cambridge University Press; 1996. ISBN 978-0521576499.
2. Smith A. Nationalism and modernism. Moscow: Praxis; 2004. (In Russ.). ISBN 5-901574-39-7.
3. Blank T., Schmidt P. National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data. *Political Psychology.* 2003;24(2):289–312. DOI [10.1111/0162-895X.00329](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00329).
4. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publ.; 1998. ISBN 978-1555877842.
5. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. St. Petersburg: Kristall Publ.; 2001. (In Russ.). ISBN 5-306-00157-2.
6. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Morozova E. V. [et al.]. Identity: personality, society, politics. New contours of the research field. Moscow: Ves' Mir; 2023. (In Russ.).
7. Semenenko I. S. Identity in the subject field of political science. In: Identity as a subject of political analysis: Vol. of conf. papers (Moscow, Oct. 21-22, 2010). Moscow: IMEMO RAS; 2011. P. 8–13. (In Russ.).
8. Tishkov V. A. The Nation of Nations. On approaches to understanding Russia. Moscow: IEA RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69](https://doi.org/10.33876/978-5-4211-0299-1/2023-12/1-69).
9. Yadov V. A. Social identification in a crisis society. *Sociological Journal.* 1994;(1):35–52. (In Russ.).
10. Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. Moscow: AST; 2003. (In Russ.).
11. Drobizheva L. M. The meanings of All-Russian civic identity in Russian mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* 2020;(4):480–498. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261).
12. Drobizheva L. M. Russian identity: searching for definition and distribution dynamics. *Sociological Studies.* 2020;(8):37–50. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009460-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9).

13. Sashchenko N. P. Contemporary studies of national-state identity: interdisciplinary approaches. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):46–57. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-46-57).
14. Bartasevičius V. Outsiders not worth trusting? Accounting for concerns over immigration in Central and Eastern Europe. *Central and Eastern European Migration Review*. 2024;13(2):27–54. DOI [10.54667/ceemr.2024.19](https://doi.org/10.54667/ceemr.2024.19).
15. Häkkilä L., Kouvo A.-J., Oinas T. [et al.] The role of political orientation in shaping deservingness perceptions and immigration attitudes in Europe: A multilevel analysis. *Journal of International and Comparative Social Policy*. 2024;40(2):111–130. DOI [10.1017/ics.2025.4](https://doi.org/10.1017/ics.2025.4).
16. Schmidt P., Quandt M. National identity, nationalism, and attitudes toward migrants in comparative perspective. *International Journal of Comparative Sociology*. 2018;59(5–6):355–361. DOI [10.1177/0020715218816242](https://doi.org/10.1177/0020715218816242).
17. Cichocka A., Cislak A. Nationalism as collective narcissism. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020;34:69–74. DOI [10.1016/j.cobeha.2019.12.013](https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2019.12.013).
18. Roy O. M. National identity in Russia: between globalization and glocalization. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2025;18(3):78–91. (In Russ.). DOI [10.31660/1993-1824-2025-3-78-91](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-3-78-91).
19. König P. Forms of national and European identity: A research note reviewing literature of cross-national studies. *Nationalities Papers*. 2024;52(4):707–734. DOI [10.1017/nps.2023.66](https://doi.org/10.1017/nps.2023.66).
20. Pelipenko A. A. The global crisis and the fate of the West. Moscow: Znanie; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-7646-0118-2.
21. Shabrov O. F. Spiritual values as the basis of national-state identity. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):16–22. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-16-22).
22. Attali J. *Une brève histoire de L'avenir*. St. Petersburg: Piter; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-496-00750-4.
23. Asonov N. V. Modern Russian identity through the lens of statehood analysis. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):23–33. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-23-33).
24. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
25. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
26. Titov V. V. Transformation of national-state identity in modern Russia. Candidate Degree Thesis. 2023. (In Russ.).
27. Shaikemelev M. S. Criteria for assessing the civic integration of Kazakhstani ethnic groups as the main target for the formation of national identity. In: Formation of the Kazakh identity in the context of the tasks of modernization of public consciousness. Book 2. Almaty: IFPR KN MON RK; 2019. P. 243–256. (In Russ.).
28. Grebnyak O. V. National-state identity in the digital age: between patriotic consensus and informational anxiety. *Sociopolitical Sciences*. 2025;15(4):34–45. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-4-34-45).

Received: 14.10.2025. Accepted: 21.11.2025.

Author information:

Natalia P. Sashchenko, Candidate of Psychology, Associate professor,
Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.
nsaschenko@mail.ru

ORCID: [0000-0002-0632-9937](https://orcid.org/0000-0002-0632-9937)

Oksana V. Grebnyak, Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

oksananov@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-4565-7095](https://orcid.org/0000-0002-4565-7095)